

из них свою данную природой энергию использовали главным образом для самоутверждения в жизни, всячески спекулировали своим простонародным происхождением. Таков и Рядно с его крестьянским говорком, землицей, которая то и дело как бы нечаянно высыпается из носового платка, с его спекуляциями на идее равенства. Между тем, как говорил Стригалева: «Равенство — понятие абиллогическое... В природе равенства нет. Равенство придумано человеком, это одно из величайших заблуждений, породивших уйму страданий... Идея равенства позволяет бездарному жить за счет одаренного, эксплуатировать его... И все равно, захватив себе даже большую часть, бездарный не получит главного — таланта. Приходится притворяться одаренным, приближать к себе тех, кто хвалит твой отсутствующий дар. Идея равенства позволяет бесплодному негодю с криком забираться на шею трудолюбивому и увлеченному работяге и брать все лучшее из того, что тот создает».

Социальная острота, насыщенность глубокими философскими идеями, точность и глубина психологического анализа, худож. выразительность обусловили значимость «Белых одежд» как одного из ярких произведений совр. лит-ры.

По мотивам произведения создан 5-серийный телевизионный фильм.

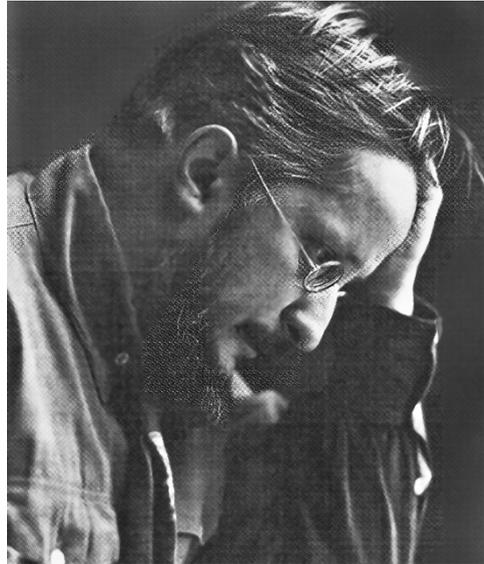
Соч.: У семи богатырей: рассказы. М., 1952; На своем месте. М., 1954; Не хлебом единым: роман. М., 1957; Новогодняя сказка. М., 1960; Рассказы. М., 1963; Белые одежды: роман. М., 1988 (и др. изд.); Цвет наших одежд. Интервью // Лит. газ. 1988. 17 авг.

Лит.: Иванова Н. Отцы и дети эпохи // Вопр. лит-ры. 1987. № 11; Старикова Е. Книга о добре и зле. Смерть Ивана Ильича // Новый мир. 1987. № 12; Шкерин М. На том стою! Штрихи к портрету В. Дудинцева // Лит. газ. 1988. 30 марта; Кардин В. На войне как на войне // Дудинцев В. Белые одежды. М., 1988; Гачев Г. Арсенал доброй воли // Там же.

В. А. Лавров

ДУРЫЛИН Сергей Николаевич (псевдоним Р. Артем, Библиофил, М. Васильев, И. Комиссаров, Н. Кутанов, В. Никитин, Д. Николаев, С. Николаев, Д. Николаев-Дурылин, С. Северный, Н. Сергеев, М. Раевский, С. Раевский) [14(26).9.1886, Москва — 14.12.1954, пос. Болшево Московской обл.] — прозаик, поэт, философ, богослов, искусствовед, этнограф.

Родился в семье купца первой гильдии, торговца тканями, принадлежал к старинно-

С. Н. Дурылин

му калужскому купеческому роду. Учился в 4-й Московской мужской гимназии, ушел из шестого класса (1903), увлекшись «честнейшим и bestолковейшим народничеством» (**В своем углу**. С. 297). В 1903 познакомился с Н. Н. Гусевым, секретарем толстовского изд-ва «Посредник». С 1904 — сотрудник этого изд-ва, автор ж. «Свободное воспитание» (1907–13) (с 1907 — секретарь редакции); «Маяк» (1909–13), «Весы» (1909), «Русская мысль», «Известия археологического общества изучения русского Севера» (1913), «Известия общества изучения Олонечкой губ.» (1913); альм. «Труды и дни» (1913); газ. «Новая земля» (1910, 1912) (постоянный ведущий рубрики «Что читать?»), «Русские ведомости» (1910–13) и ряда других печатных изд. С 1910 по 1914 — студент (слушатель) Московского Археологического ин-та (тема выпускной работы — иконография св. Софии) и одновременно — участник символистского поэтического кружка «Сердарда» (с 1908), ритмологического кружка Андрея Белого (с 1910), кружка Эллы по изучению Бодлера. С 1906 по 1917 совершил ряд поездок по Русскому Северу, старобрядческим местам Заволжья и Калужской губ. Поездки Д. вписываются в общую традицию интеллигентских «духовных путешествий» и интереса к расколу, их цель — поиск «Града Незримого».

В 1913 в символистском изд-ве «Мусaget» Д. опубликовал книгу **«Рихард Вагнер и Россия. О Вагнере и будущих путях**

искусства», в которой впервые использовал образ «незримого града Китежа» как подлинного основания русской духовной культуры. В этом же, 1913, в книгоизд-ве «Путь» выходит книга **«Церковь Невидимого Града. Сказание о граде-Китеже»**. На различии между «Градом Незримым» и миром видимым основывается и важное для творчества молодого Д. различие между «цветником» европейской культуры и «лугом» народного мифомышления (**Луг и цветник. О поэзии Сергея Соловьева // Труды и дни: альм. Вып. 1. 1913.**): если даже исчезнет «цветник» России, то не исчезнет «луг» Руси. В период Первой мировой войны эта тема получила еще одну, идеологическую интерпретацию: «феноменализму» России будет противопоставлен «экклезиологизм» Руси: «Русь же радовалась, что Бог не до конца забыл ее» (Начальник тишины // Богословский вестник. 1916. № 7–8. С. 422).

С середины 1910-х Д. вошел в «Кружок ищущих христианского просвещения», руководимый М. А. Новоселовым. Летом 1916 в «Богословском вестнике» отца Павла Флоренского была опубликована работа Д. **«Начальник тишины»**, в которой впервые звучит тема Оптиной пустыни как реального воплощения «Града Незримого» — и «ласки Церкви» («жалости») как формы присутствия Бога в мире, невозможной в старообрядческом учении о Невидимом Граде: раскольнический Китеж — Царство Божие ушло под воду не столько из-за Батыя, сколько из-за оскудения благодати на земле. Именно поэтому оно незримо — недоступно для взгляда грешника. Этот эсхатологический мотив четко прослеживается в работах Д. начала 1910-х: «Став невидимым, Китеж-град святых и праведных не стал недоступным. Путь в невидимый град есть. Всякий волен в него идти, но одни в него входят, другие — не войдут никогда» (Р. Вагнер и Россия. О Вагнере и будущих путях искусства. М., 1913). Смысл Оптиной пустыни для Д. в том, что она зрима, в снятии, всегда индивидуальном и личном и — одновременно — универсальном, общечеловеческом греха, к которому (снятию) «льнут и бабы, и Киреевские» (Начальник тишины. С. 440). С 1915 Д. — личный знакомый и корреспондент (в 1918–19) оптинского старца Анатолия (Потапова).

Осенью 1912 Д. стал секретарем Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева, остался им вплоть до его закрытия (последнее известное заседание общества — 3 июня 1918), и лучшие его статьи и исследования этого периода

представляют собой опубликованные тексты докладов в МРФО и в «новоселовском» кружке, а также работы, связанные с изучением принципов поэтики и ритмом стиха (влияние А. Белого): **«Судьба Лермонтова»** (1914); **«Академический Лермонтов и лермонтовская поэтика»** (1916); **«Россия и Лермонтов. К изучению религиозных истоков русской поэзии»** (1916. № 2–3); О религиозном творчестве Н. С. Лескова (1916, опубликованная часть доклада 1913 на заседании МРФО). В круг интересов Д. с второй половины 1910 входят темы Н. С. Лескова (незаконченное и неопубликованное исследование **«Н. С. Лесков. Личность, творчество, религия. Ч. I. Личность. Ч. II. Творчество»** (1914–17), К. Н. Леонтьева (**«Монастырь и старец в жизни К. Леонтьева»**, 1916), **«Писатель-послушник»** (о К. Н. Леонтьеве) (1916, работы не опубликованы) и В. В. Розанова, чьим другом и конфидентом Д. был вплоть до смерти В. В. Розанова в Сергиевом Посаде 5 февр. 1919 (с 1918 по 1920 Д. вместе с о. П. Флоренским работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины в Троице-Сергиевой лавре). Эсхатологические ощущения конца 1910-х — **«Апокалипсис в русской литературе»** (лето 1917) и **«Апокалипсис и Россия (Памяти о. Иосифа Фуделя»**) (1918, готовился к выходу в 1918 в неосуществленной серии «Духовная Русь»), — несомненно, связанные с розановскими влияниями («Апокалипсис нашего времени») еще более обострились в связи со смертью Розанова в марте 1919 и с церковными процессами по изъятию церковных ценностей, сопряженными с осквернением святых («Русь, которую я любил, умерла» — записал Д. в дневнике по поводу вскрытия мощей преподобного Сергия Радонежского). В марте 1920 Д. был рукоположен во иереи (целибат) отцом Феодором (Поздеевским), служил сначала в храме Николая в Клениках на Маросейке (где сослужил с отцом Алексием Мечевым), а в 1921 перешел настоятелем в Боголюбскую часовню у Варварских ворот Китайгородской стены. 20 июня 1922 был арестован и затем выслан в Челябинск, где до 1924 заведовал археологическим отделом Челябинского музея (сведения о снятии Д. священнического сана документально не подтверждаются). В 1924 вернулся в Москву, работал внештатным сотрудником ГАХН по «социологическому отделению» и домашним учителем в Москве и Муромово; в 1927 выслан в Томск, в 1930 переехал в Киржач; в 1933 вернулся в Москву

и снова был арестован. Освобожден благодаря вмешательству своей духовной дочери, впоследствии жены Ирины Комиссаровой (гражданский брак с которой зарегистрирован в 1933).

На годы ссылки приходится расцвет творческого таланта Д. Известны его работы о В. М. Гаршине («Репин и Гаршин (из истории русской живописи и литературы)», 1926), Ф. И. Тютчеве («Тютчев в музыке», 1928); Ф. М. Достоевском («Об одном символе у Достоевского» (1928), русско-немецких культурных связях первой половины XIX столетия («Русские писатели у Гете в Веймаре», [1932]), К. Н. Леонтьеве (1935), однако большая часть его наследия периода ссылки, в том числе практически все прозаические произведения и духовные стихи, не опубликована.

В последний, большевский (1936–54) период своей жизни Д. стал известен как искусствовед и литературовед (с 1938 — сотрудник ИМЛИ, с 1944 — доктор филол. наук, с 1945 — профессор, заведующий кафедрой Истории русского театра ГИТИСа), автор многочисленных работ по истории лит-ры и театра (наиболее известны: «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова» (1940); «Русские писатели в Отечественной войне 1812 года» (1943); «Нестеров-портретист» (1948), «Врубель и Лермонтов» (1948), «А. Н. Островский. Очерк жизни и творчества» (1949), «М. Н. Ермолова (1893–1928). Очерк жизни и творчества» (1953), «М. К. Заньковецкая» (1954, вышла в 1955 на украинском яз.)). Однако сфера его подлинных интересов не ограничивалась официально признанным. Именно в Болшеве Д. обрабатывал и систематизировал свои исследования о Н. С. Лескове, К. Н. Леонтьеве, В. В. Розанове, ранних славянофилах; богословские труды, прозаические сочинения, стихи разных лет.

Ранние прозаические и поэтические опыты появляются в печати начиная с 1902 (первое опубликованное стих.— «Памяти В. А. Жуковского» в газ. «Московские ведомости»). Первый законченный прозаический цикл Д.— «Рассказы Сергея Раевского» (1914–21): «Крестная» (1914), «В начале» (1914), «Жалостник» (1915–17), «По пути» (1915), «Мышь беготня» (1917) «Троицын день (памяти Н. С. Лескова)» (1917), «Бабушкин день» (1917), «Дединька» (1917) «Гришкин бес» (1918, расширенный вариант — «Три беса. Старинный триптих (из семейных преданий)» (1918–19), «Тлен» (1918–19),

«Розы» (1921) (все — архив Мемориального Дома-музея С. Н. Дурылина в Болшеве). Свет увидел только один из рассказов цикла — «Жалостник» (Русская мысль. 1917. № 3). К этому циклу логически и хронологически примыкают рассказы «Грех земле» (1918–19), «Сладость ангелов» (1922) «Крысы» (1925), «Сирень» (1925), повести, романы и «хроники» периода челябинской и томской ссылки и кратких промежутков между ними: «Живинка (рассказ казачки)» (1923), «Сударь-кот» (1924, повесть вызвала лестнейшие оценки М. В. Нестерова (письмо от 18 авг. 1939) и П. П. Перцова (письмо от 20 нояб. 1940) и «Колокола (хроника)» (1928), а идейно — духовные стихи 1920-х; наибольшего внимания заслуживает поэтический цикл «Венец лета» (часть первая «Сливное дерево» — лето, часть вторая — «Покрой покровом» — окт., и часть третья — «Косьма и Демьян» — нояб. 1924).

Значительное влияние на формирование мировоззрения Д. оказали идеи и личность Л. Н. Толстого (Дурылин познакомился с Л. Н. Толстым во время поездки в Ясную Поляну в 1909) и св. Франциска Ассизского. Для дурылинской прозы характерно стилизованное и идейное влияние Н. С. Лескова, К. Н. Леонтьева и поздних романов Достоевского («Подросток» и «Братья Карамазовы»). Действие большинства повестей и рассказов происходит в провинциальном монастыре или усадьбе. Видимое отсутствие сюжета продиктовано символическим содержанием прозы — плоскость действия разворачивается не в сфере «видимого бытия», а в сфере «незримого», «умопостигаемого»: области «брани духовной» бесов и ангелов за душу человеческую. Прозаическая форма для Д. есть способ выражения философских и богословских по преимуществу тем; порой — логическое их продолжение: так, рассказ «Сладость ангелов» написан в тот же день, что и богословская статья «Об ангелах» и фактически представляет собой «перевод» сложных богословских конструкций на яз. худож. слова. Д. стремился сделать более простыми и ясными «трудные» философию и богословие (см. об этом: «Троицкие записки». Дневник 1918–19), перевести язык «цветника» на язык «луга».

Целый ряд литературоведческих статей и докладов «периода странствий» также есть «мимикрия» философии и богословия под литературоведение и искусствоведение: «Преп. Сергей Радонежский в творчестве М. В. Нестерова» (1922–26), «Леонтьев-

художник» (статья-доклад в ГАХНе о романе К. Н. Леонтьева «Подлипки», 1924), **«Пейзаж в произведениях Достоевского»** (статья-доклад в ГАХНе, 1926), **«Бодлер в русском символизме»** (ГАХН, 1926), **«Александр Добролюбов»** (ГАХН, 1926), **«Об одном символе у Достоевского»** (1928), **«Монастырь старца Зосимы. К вопросу о творческой истории I, II, VI книг „Братьев Карамазовых“** и ряд др.

С 1924 в челябинской ссылке Д. начинает вести записи **«В своем углу»**, работа над ними продолжалась вплоть до 1941. С этим циклом логически и хронологически связан другой — **«В родном углу»**, над которым Д. трудился вплоть до самой смерти. Эти эссе ближе всего по стилю и манере письма розановским **«Опавшим листьям»**. Однако существенны и различия. Если для В. В. Розанова «листья» — это способ фиксации в вечности мгновений настоящего, то для Д. — это фиксация моментов давнего и недавнего прошлого в настоящем «углу» (розановское название) повседневного, скрытого от посторонних глаз потаенного — и поэтому подлинного бытия. Отсюда характерное для Д. стремление к формальной отточенности, завершенности, лаконичности каждого сюжета, тяготение к форме анекдота, байки, былички, — и в то же время к метафорической связи афоризмов друг с другом, к цельности сюжетных линий: «Не только снег тает. Все тает. Так, истаяла русская поэзия. Истаяла русская культура. Истаяла Россия» (Тетрадь IV. Афоризм 8); «Христианство не догорело и чадит, — как думал Василий Васильевич. — Оно не коптит. Оно тает. От лучей какого же солнца? О, как страшно! Какого-то. Но тает, тает, — и не оттого, что „дворники делают весну“ в городе... Тает и в городе, и в деревне, на холмочках, на ложбинках, даже в глубоких ложках... Всюду тает... И как задержать это таянье? Тает. Вот и все» (Афоризм 9). Устойчивый образный ряд потаенного, теплого, огня («тусклого», «мерцающего», «синего звездного»), дыма, «угла» как метафорических характеристик подлинного бытия — и публичного, холодного, плоского, грязного, смерти как характеристик «бывания» проходит сквозь весь текст «Углов».

С 1993 в Болшеве существует мемориальный Дом-музей С. Н. Дурылина. Здесь же находится его архив.

Соч.: Русь прикровенная. М., 2000; Отец Иосиф Фудель / публ. Н. С. Фуделя, Г. Б. Кремнева, С. В. Фомина // Лит. учеба. 1996. Кн. 3; В своем углу: Из старых

тетрадей. М., 1991; У Толстого и о Толстом // Прометей. 1980. Т. 12; Вс. М. Гаршин. Из записок биографа // Звенья. Вып. 5. М.; Л., 1935; Москва // Встречи с прошлым. Вып. 9. М., 2000; Две судьбы (Б. Л. Пастернак и С. Н. Дурылин. Переписка) / публ. М. А. Рашковской // Встречи с прошлым. Вып. 7. М., 1990.

Лит: Фудель С. И. СС: в 3 т. Т. 1. М.: Русский путь, 2001; Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997; Голлербах Е. А. К незримому граду. Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000; Из архива о Павла Флоренского. Переписка свящ. Павла Флоренского и Михаила Александровича Новоселова. Томск, 1998; Вяч. Иванов. Архивные материалы и исследование. М., 1999; Крашенинникова Е. Храмы и пастыри // Альфа и омега. 1999. № 3.

А. И. Резниченко

ДЫМОВ Осип (настоящее имя Осип Исидорович Перельман) [4(16).2.1878, Белосток — 1.2.1959, Нью-Йорк] — прозаик, драматург, переводчик.

Дед его был литератором. Отца, выходца из Германии, Д. потерял в раннем детстве.

Первый рассказ **«Рождественский силуэт»** написан в подражание «Мальчику у Христа на елке» Ф. Достоевского. Первая публикация — **«Рассказ капитана»** (1892) появилась, когда Д. был учеником Белостокского реального училища. Окончил С.-Петербургский лесной ин-т (1902). Сотрудничал в ж. «Театральное слово» (1900–04), «Сигнал» (1905–06), «Сатирикон» (1908), газ. «Свободные мысли», «Утро», «Русь». Первая пьеса — **«Голос крови»** (1903). Выпустил книги импрессионистических рассказов **«Солнцеворот»** (1905), **«Земля цветет»**, **«Рассказы. Кн. 1»** (1910), **«Новые голоса»** (1912) и книгу юмористических рассказов **«Веселая печаль»** (1911). «Печальный весельчак» из «Сатирикона», Д. был автором бессюжетных лирических новелл или рассказов с ослабленным сюжетом. В них царил собственный миниатюрный мир, стихией которого были «клички» событий, настроений, переживаний, — «коротенькие образы, коротенькие мысли, коротенькие чувства и мелькание, мелькание, мелькание без конца»: суть этого мира К. И. Чуковский назвал «мистицизмом обыденности».

В 1911 вышел в свет роман Д. **«Бегущие креста. Великий человек»**; в 1915 этот роман вышел с подзаголовком «Томление духа»; его тема — большая столичная жизнь празднично болтающего, умирающего общества, пребывающего в состоянии непреодолимого тяжелого полубреда.